

Эффект международности

Ринат Газизов

ФАНТАСТИКА

Если б мы знали, что всего через пару часов будем сидеть на полу в эстонском посольстве, то улепетывали бы со всех ног из восточной части города. Имея представление о количестве тротила, которое используют радикальные антиглобалисты, мы бы бежали во всю нашу интернациональную прыть.

И уж тем более вряд ли я тогда стал бы рассуждать о том, что такое чудо.

Но сейчас мы просто гуляли.

Коренастый казах Баха, двадцати пяти лет от роду, человек знойных степей, третий раз за время нашего знакомства тронул меня за плечо, привлекая внимание. Он плавно поворачивал в разные стороны кисть правой руки. Ладонь обращена влево, а кончики пальцев направлены от себя, запястье согнуто. Прodelывая этот пасс, он спокойными карими глазами глядел на Альберта. Три раза Баха (или, если по-взрослому, Бахыт) крутил так кистью.

«Танцующий с аутистами», — говорил он мне.

Такое длинное прозвище я получил от него, когда помог Альберту. Эстонец с телосложением античного героя сказал тогда, что без него нам с Бахой никак не протянуть. То же самое можно было вернуть и в его адрес.

В детстве Альберт прочел рассказ Рэя Брэдбери «Бетономешалка». В нем описывается, как марсиане прилетели на Землю в великом стремлении покорить голубую планету, но, высадившись в центре большого города, не ощутили недовольства землян, их не атаквали. Напротив, встретили банкетом и улюлюканьем. Пошлость и деловитость людей погубили пришельцев: священные землянами как абсорбирующим веществом, марсиане перемололись все до единого, словно в огромной бетономешалке.

Так вот, Альберт говорил, что нам необходимо держаться вместе, потому что мы даже не марсиане. Мы вообще другие.

Может, поэтому мы до сих пор вместе. Баха. Альберт. И я — Танцующий с аутистами.

Гуляющая по многолюдным улицам наша компания всегда привлекала внимание. Но, в отличие от несчастных марсиан американского фантаста, мы вместе были тем материалом, которому не грозит дробление в пошлом агрегате большого города. Наверно, это от того, что наша троица всегда себе на уме.

Смуглый Баха шел слева от меня, и его пальцы тербели горячий воздух.

«Вчера фокусник учил Баху растягивать карты лентой, — плясали пальцы казаха. — Чтобы красная масть стелилась сверху, а черная снизу».

Баха подрабатывал чернорабочим в цирке. Подай-принеси. Под разноцветным шатром он таскал инвентарь: обернутые фольгой булавы, обручи с шипами наружу, прочие орудия цирковой магии, а также контейнеры с мясом для тигров. Как и на любого рабочего, на него мало кто обращал внимание, пока однажды, коротая свободное время, Баха не стал перебирать монетки фалангами пальцев.

Пятаки плыли по волнам костяшек один за другим справа налево, потом перебрасывались большим пальцем на мизинец и начинали свой путь заново. При этом неопрятный, стриженный ежиком Баха жевал хлеб с салом, щуря от удовольствия раскосые глаза. Проходивший мимо бородатый фокусник из Пакистана заметил дурачество Бахи и попросил монетки. Пожав плечами, тот отдал пятаки и воззрился на человека в белых одеждах.

— А так можешь? — поинтересовался фокусник, держа руку вытянутой, как для рукопожатия, ладонью налево, и пуская волну фаланг снизу вверх.

Монетки споро восходили к большому пальцу, откуда подавались на мизинец.

«Могу», — кивнул Баха, потом чавкнул, доедая бутерброд, и пустил медных мурашек по своей руке точно таким же образом, что и фокусник.

— Ловкач, — довольно сказал бородатый и махнул рукой в сторону гримерки...

После каждого выступления фокусник мыл руки в тазу с розовой водой, раскуривал кальян и показывал Бахе разное.

«Он делал так, что лента карт костенела и вращалась шестом в руках», — сплел пальцы Баха, и я представил, как известный фокусник в сладкой дымке раскуриваемого табака демонстрирует трюки один за другим.

«Он делал из моего уха копилку, — смеялись пальцы, — его ладони были танцплощадкой для бумажных слонов».

«Этот дядька умеет зарабатывать деньги», — улыбались пальцы Бахи...

Я представлял: коробочка гримерки, и там небритый, нечесаный работяга Баха сидит напротив вальяжного бородача и ухмыляется. Шкапулка секретов фокусника раскрыта, но Баха не собирается его благодарить.

— Чего лыбишься? — беззлобно спрашивает фокусник.

«Ты, — указывает Баха на его бороду, мочалкой стелющуюся по груди, — ты можешь получить гражданство в Республике Жестов. Я, — тут Баха дотрагивается пальцем до своего кадыка, — из Республики Жестов».

— Вас объединяет не просто ловкость рук, да? — спрашиваю у Бахыта, обходя журчащий фонтан...

Аллея, по которой мы шли, лежала между рядами коттеджей, бежевых и салатовых; отгороженная мраморными бордюрами от проезжей части, аллея, набитая людьми, будто шевелилась. Прохлада фонтанов и сделанные из кедра скамейки: сидишь себе на годичных кольцах, попираешь вековые деревья, а на лицо опадает легкая морось.

Небо пронзительно синее. Можно пойти к морю: прибор, чайки, соленый воздух.

— Вот моя магия, — говорит фокусник, имея в виду копилку, карты и слонов. — Теперь она — твоя.

«Не надо», — отвечает Баха и расправляет руки журавлем, начинает притоптывать ногой в сандалиии по крышке сундука, расписанного звездами.

Левая рука. Вращается большой палец, описывая конус. Сначала мизинец и безмянный смыкаются крабьими клешнями, потом средний и указательный. Пальцы толкают, мнут, вытягивают дым кальяна. Потрепанная сандалия отстукивает гимн Республики Жестов.

— Я не могу так, — с сожалением качает головой фокусник. — У меня нет голоса.

Баха улыбается.

Теперь правая рука. Пальцы выстраиваются частоколом, рогаткой, щепотью. «Четыре чабана и крепыш», «сайгак щиплет колючку», «сверкает росой клевер».

— Ты пел за двоих? — спрашиваю у Бахи.

«Угу», — кивает раскосый человек степей.

«Вы, — сказал фокуснику Баха, — берете в руки предмет, помещая глину воображения в форму трюка. Убери из рук жонглера булаву, убери обруч с талии Мишель. Что останется? Что?!»

Старый фокусник молчит.

— Останется песня, — догадываюсь я.

В жаркий день все скамейки заняты, и нам никак не пристроиться на древние кедры. Остается только вдыхать прохладу фонтанов, дослушивая историю Бахи. Пальцы плетут вчерашний разговор с фокусником беззвучно, но я-то знаю: слушать можно и звенящую походку местных гурий, и как шипит таблетка светила, погружаясь в море.

...А в сладком дыме гримерки беседуют фокусник и Баха.

«Убери из рук лишнее, — ткнут слова пальцы казаха, — и таможня Республики Жестов поднимет шлагбаум».

Вчера фокусник из Пакистана кривым ножом отрезал себе язык и научился петь.

Утро встречало нас уличной толчеей, горячими камнями под пятками, а чуть позже — душным пряным воздухом забегаловки «Водопады Антонио».

Мы сели в углу около багряных занавесок, скрывающих кухню и повара. Альберт сразу загрустил из-за непривычности обстановки и новизны меню. Такие, как наш эстонец, не любят перемен. И, поверьте, это не в силу консервативного характера.

— Два «Водопада» со свининой и апельсиновый сок, — говорю знойной разносчице-итальянке.

Шеф-повар Антонио, кажется, очень высокого мнения о своей пасте, раз назвал поток завернутых на тарелке спагетти «водопадом». Сок — Альберту; цитрус тонизирует его нервную систему.

Итальянка отошла от нашего стола и темпераментно ругнулась, обнаружив на полу петляющую зеленую линию от ступенек входа до ножки Альбертовой табуретки.

Нетрудно догадаться, что линия проведена мелом, прикрепленным к куску плитуса, который Альберт всегда таскает с собой. Этой маленькой прихотью зачернены все места города, где появляется наша тройка.

— Юродивых не бранят, — примиряюще поднимаю руки.

Судя по удаляющейся ругани, официантка работает еще и уборщицей.

Баха тарабанит по столу; пальцы отплясывают страстные латиноамериканские танцы.

«Ноги под атласными юбками порой поют лучше моих рук», — смеются пальцы Бахи. Он встает из-за стола и направляется к итальянке, идущей с подносом.

Воздух «Водопадов» раскаляется, когда казах отплясывает около разносчицы, минуя столы и потные спины посетителей. Под аплодисменты (еще одна дань Республике Бахи) женщина всплескивает гривой волос и вступает в беседу на равных. Она мгновенно переходит от ругани и злости к языку тела.

И тогда я говорю Альберту, что Танцы — это крохотная административная единица Республики Жестов. Звучит заумно, но эстонец понимает только такой язык.

Глядя на Баху и официантку, я догадываюсь, что здесь и сейчас мы будем есть бесплатно.

Первый раз Баха покрутил особым образом кисть, называя меня Танцующим с аутистами, пять лет назад.

Тогда мы были в Музее истории, а если точнее, в галерее Египта. Разглядывали окостеневших скарабеев, саркофаги и мумий. Щурясь, Баха всматривался в испещренные иероглифами пергаменты. Я втягивал непонятный запах вещичек из прошлого, бередивший ноздри даже сквозь стекло. Запах вызывал ощущение древности, а также мысли о страдающей метеоризмом мумии фараона.

Иногда я прислушивался к экскурсоводу.

— Это, — указывал он, — плита, выбитая из каменной кладки внутренних помещений пирамиды. Ученым до сих пор не ясен шифр послания на плите. Иероглифы нанесены в беспорядке, и в итоге мы имеем некую бессмыслицу.

— Может, по диагонали прочесть? — спросил какой-то кучерявый мужик славянской внешности.

В толпе туристов кто-то хмыкнул. Кучерявый смутился.

— Эх, — притворно вздохнул экскурсовод, — если бы все было так просто! Именитые египтологи считают, что этот кусок не иначе как подделка. Возможно, поэтому такая находка сомнительной ценности пылится именно в нашем обедневшем музее.

Тут послышался громкий, несовместимый с привычной тишиной музея звук.

Большой, объемистый горшок с полуметровой пальмой разбил стекло возле того места, где хранилась плита. Туристы ахнули, подались назад. Баха, ощутив вибрацию воздуха, оглянулся.

Сквозь разбитое стекло шагнул светловолосый гигант с голубыми, почти прозрачными глазами. Что-то бурча себе под нос, он склонился над предметом споров египтологов.

— Вы... вы что себе позволяете?! — обрел дар речи экскурсовод. — Я охрану зову!.. — И поспешил к выходу из галереи.

В глазах остальных плескался коктейль изумления и интереса. Мы с Бахой подошли ближе: наблюдали за длинными волосатыми пальцами гиганта, водившими по иероглифам.

Потом гигант вздохнул, подобрал с пола несчастный горшок с пальмой и принялся долбить им по обратной стороне плиты, тем самым стараясь не слишком испортить лицевую часть с символами. Раздробив кладку на кусочки размером с ладонь, он начал их перебирать. Сидя на корточках под вспышками фотоаппаратов, он менял иероглифы местами, потирая раздумывавшиеся щеки. Несколько символов гигант просто выкинул подальше, а парочку перевернул вверх ногами, и вот тогда послышался топот сапог по паркету. Это бежала охрана, приближаясь к нам.

«Он разбирает путаницу!» — взмахнул рукой удивленной Баха, косясь на гиганта.

Я закрыл двери, просунув пальму меж ручек, как затвор крепостных ворот. Баха на всякий случай прислонился к ним и лучезарно улыбнулся опешившим туристам.

Когда охрана замолотила кулаками с обратной стороны, я спросил гиганта:

— Долго еще?

Тот не отозвался.

«Прибалт», — подумал я, рассматривая характерное лицо и громадную фигуру.

Тасовались на полу кусочки кладки, желтая рубашка прибалта взмокла на спине. Наконец он оторвался от сотворенного им музейного вандализма (или экстремального прозрения?) и оглянулся по сторонам.

— Ты, — глухо сказал он, тыкая пальцем во вьетнамца. — Дай фотоаппарат.

Азиат с опаской приблизился к прибалту и протянул камеру. Тот пару раз щелкнул, достал из «поляроида» снимки и положил в карман брюк.

— Вот теперь, — обратился он к туристам, указывая на разложенные по полу кусочки древности, — вот теперь — правильно.

Потом посмотрел в мою сторону и выдал «спасибо».

Стук в двери стал громче. Баха распахнул окно, и мы втроем выпрыгнули со второго этажа. Миновали изгородь, промчались кварталов пять. По пути гигант снес несколько палаток торгашей. Но вот остановились в тени, пытаясь отдышаться.

— Тебя как зовут? — спрашиваю у прибалта.

— Альберт.

— Ты гений? Или любитель ребусов? — шучу.

— Нет, — отвечает он. — Нет.

Потом я пойму, что он всегда последовательно отвечает на вопросы. И если не попросить пояснения, будет молчать как ни в чем не бывало...

На следующий день в газетах напишут, что некий иностранец разломал загадочную реликвию и собрал ее заново, но уже пригодную для прочтения. И что расшифрованный таким образом кусок кладки вписывается в стену египетской пирамиды, открывая новые подходы в исследованиях египтологов.

Баха щипал пальцами воздух, называя Альберта так: «Светлая голова Рацио».

Альберт редко смотрит в глаза. Он быстро говорит, и его речь изобилует научными терминами. Сколько я его помню, он всегда носит желтые рубашки и серые брюки.

У Альберта есть Распорядок Дня, которому он неукоснительно следует. И даже когда наступают праздники и бухгалтерская контора, где он работает, закрывается, прибалт все равно листает бумаги и выполняет расчеты, уже в одиночестве.

— Народ Светлых голов, — философствовал я, — страдает по причине невозможности адекватного общения. Зато он приводит Вселенную в порядок.

— А народ Республики Жестов, — гордо говорил казах Баха, — поет космос!

Гуляя с нами, Альберт вечно таскает кусок выкрашенного в белый цвет плитуса, к концу которого проволокой примотан мелок. Плитус с мелком волочится по дороге вслед за ножищами прибалта. Будучи у него в гостях, мы с Бахой разглядели на крупной карте города, пришпиленной к стене, зеленые, синие и оранжевые линии. Они обозначают маршруты, по которым наша тройца передвигается каждый день. Чем чаще мы ходим по одной и той же улице, тем толще становится цветная линия на карте.

На вопрос, зачем таскать плитус, при том что у эстонца феноменальная память и восстанавливать путь он может и без следов мела на дороге, Альберт не отвечает. Зато говорит:

— Каждый человек проходит по Земле уникальный маршрут. Геометрия пути и частота пути таковы, что при проектировании линий на различные тела, даже на примитивные сферы и плоскости, можно различить «выхоженные» нами слова. Это язык шагов, и его, по правде, трудно прочесть. Особенности почерка-походки, несоразмерность букв, интенсивность нажима!

Так говорит человек, который рушит путаницу и собирает нечто в единственно верном порядке. Он считает, что люди идут туда, куда их вынуждают обстоятельства и куда угодно воле самих людей. Воля и обстоятельства — это силы судьбы. Они, как векторы электромагнитного поля, располагают нас, словно железную стружку, определенным рисунком.

Он говорит, что, возможно, каждый человек ступает по своему «настоящему имени». Отпечатанное судьбой, оно тянет нас самобытным путем: делать карьеру, пускаться в авантюры или сидеть в тюрьме.

— У тебя гиперлексия, — понимающе киваю. — У тебя гиперлексия в невозможной для обычного человека форме. Это следствие синдрома Аспергера, да?

Альберт смущенно кивает и почему-то говорит, что нам троим надо держаться вместе.

Он всегда смущается, когда ему делают замечания. Еще он часто ошибается, путая замечания с уточнениями.

Гиперлексия, объясняю я недоумевающему Бахе, это болезнь, при которой гипертрофированно развита способность понимать письменную речь, но при этом наблюдаются трудности с устной.

В беспорядочном движении людей Альберт видит траектории, законы которых легко заключает в длиннющие уравнения. Он говорит, что ему нужно еще немного вре-

мени, чтобы понять, что пишут на Земле наши шаги. Человечество, не осознавая этого, строчит летопись. Как кардиограф, оно чертит линии с пиками о самом себе.

Возможно, поэтому Альберт так часто гуляет с нами по шумным улицам и стачиваются его многочисленные мелки.

— Когда ты прочтешь то, что вышагивают твои ноги, — говорю я, — ты перестанешь ходить и научишься летать. Ты ведь на это рассчитываешь?

И только после этих слов Альберт, высоченный прибалт с синдромом Аспергера, или, проще говоря, аутист, начинает смеяться.

Утерев губы после «Водопадов» и попрощавшись со знойной официанткой, мы пошли дальше.

Тени южного города тянулись резиной: солнце перевалило через зенит. Наша троица перемещалась вдоль набережной, оставляя позади следы синего мела на гальке и воздух, помятый пальцами Бахи.

Если бы мы знали, что всего через пару часов будем сидеть на полу эстонского посольства, куда Альберт, вопреки своему Распорядку, захочет зайти, мы бы улетывали со всех ног из восточной части города. Имея представление о количестве тротила, которое используют радикальные антиглобалисты, мы бежали бы во всю нашу интернациональную прыть.

Поход в посольство был связан с грядущим приездом родственников светловолосого гиганта. Как это часто бывает, что родственники невзначай ставят под угрозу наши жизни!

В вестибюле посольства Баха и я присели на кожаные диваны, дивясь, как тут диковинно контрастирует импортная мебель с азиатскими подстилками, цветастыми коврами и плетеными креслами прочих заведений.

Минуту спустя после того, как Альберт, ссутулившись, прошел в один из кабинетов, мы услышали автоматные очереди.

Охрана, которая почему-то пропустила внутрь нас с Бахой, не имеющих никакого отношения к Эстонии, пререкалась на языке оружия с кем-то снаружи. Протяжно завыв, полная женщина, секретарь, сидевшая за столом, процокала по коридору и далее по крутой лестнице наверх. Из кабинетов выбежали люди в деловых костюмах, испуганно тараторившие мягкие эстонские словечки.

Когда в стенах стали появляться дырки, зазвенели стекла на втором этаже, мы с Бахой догадались юркнуть по коридору в одну из комнат. Но для нас, как и для всех остальных в здании, это ничего не меняло.

Хлопнули тяжелые двери, и в посольство, словно вылезая из криминальной телепередачи, ворвались люди в камуфляжной форме. Видимо, эстонская охрана проиграла огневой диспут и теперь украшала лужайку своими окровавленными телами.

У нас с Бахой не было времени раздумывать над целью захвата и тем более мечтать о побеге, ибо сначала в дверях возникло дуло, а потом и боевик собственной анархической персоной. Мы ни черта не поняли, что он прохрипел под своей маской, но взмах автомата подсказывал: надо выходить из кабинета. Причем резво.

Людей быстренько собрали в коридоре, прислонили к стенам. Захватчики бегали туда-сюда. Напротив нас, сидя на полу, часто моргал Альберт.

Молчание заложников и суета боевиков продолжались около получаса.

Наша троица очень хотела, чтобы снаружи готовилось к штурму много-много добрых и сильных вояк. Остальным просто хотелось жить.

В вестибюле на секретарский стол забрался мужик в мешковатой куртке и с белым платком, скрывающим нижнюю половину лица. Расстегнув куртку, он ощупал пояс, начиненный тротилом.

«Камикадзе!» — прочертили пальцы Бахи затертое японское словечко.

Три боевика поднялись по лестнице наверх; трое, включая камикадзе, остались с нами. На втором этаже раздались выстрелы, и я вспомнил о воющей женщине. Гражданские в коридоре впали в истерику; чтобы заткнуть их, захватчикам пришлось лепить им на рты липкие ленты.

Когда и меня запечатали, я впервые за последние полчаса ощутил бодрость духа. Моя самая дурная привычка — постоянно трогать нос и губы. А касаться носа — это, если верить психологам, признак скрытности. Прикасаясь ко рту, я обычно проверяю, закрыт ли он.

Все дело в отсутствии рамок.

Зачастую думая о чем-то, я веду внутреннюю беседу и ловлю себя на шизофреническом симптоме: не произношу ли я свои мысли вслух? По мне, самое страшное — показывать чертей из табакерки своей головы окружающим.

Черная блестящая липкая лента на губах вселяла уверенность. Я молчу.

Если выпутаемся, впредь буду знать, как ощущать самую призрачную грань из всех возможных. А о шизофрении можно не беспокоиться: голосов, кроме музыкальных пальцев Бахи и редких наукоемких речей Альберта, я не слышу.

От неуместных для обычного человека мыслей меня отвлек расстрел заложника перед видеокамерой.

Наш оживший кошмар.

Светлую голову Рацио забрызгало, и Альберт отметил, что маршрут заложника закончился кровавой кляксой. Судорожно дернулись пальцы Бахи; так ничего и не сказав, они задрожали где-то между звуком и словом.

Боевик что-то крикнул в камеру, скорее всего, провозгласил ультиматум. Глядя на камикадзе, достающего из кармана пульт детонации, стало ясно, что живым отсюда никто не уйдет. Когда автомат нацелили на следующего заложника — между мной и им было еще два человека, — Альберт зажал пальцами нос и тут же разжал — из-за ленты на рту. Желудки сходящих с ума от страха людей стремительно расслаблялись.

Поскольку наша троица была «даже не марсианами», Баха лишь встряхнул пальцами, а Альберт брезгливо осмотрел испачканную желтым рубашку. Наверно, кто-то любезный наверху так распорядился, что при рождении распределил моих друзей к народам Республики Жестов и Светлых голов Рацио. Распределил, отобрав взамен чувство страха и многое другое.

Когда стрелявший отвернулся от нас, Альберт, к моему изумлению, беззвучно поднялся с пола и вогнал сточившийся на треть синий мелок в глаз боевика. Рефлекторно тот нажал курок, выпуская очереди в стену над нашими головами. Террорист, снимавший казнь на видео, выронил камеру, взялся за автомат и попытался расправиться с Альбертом.

Светлый гигант взял трепыхавшегося боевика одной рукой за шкуру, другой за пояс, поднял и загородил себя от пуль. Легко неся перед собой умершее тело, он бе-

жал ко второму захватчику. Между ними оставалась пара шагов, когда Альберта оттолкнул от себя труп, впечатав им террориста. Потом мы услышали сухой треск кадыка: горло второго боевика раздавила огромная ножища.

Удивляться не было времени. Только что нас захватили, пытались убить, и вот уже тихоня Светлая голова лишает жизни двоих.

Вставая с пола, вижу Баху напротив камикадзе — рука в перчатке сжимает детонатор. Между ними стол; рядом на ковре два трупа и Альберт. Его желтую рубашку уже никогда не отстирать. Весь вестибюль в дырках от пуль. Потерявшие сознание заложники устилают коридор. Не знаю, кого благодарить за то, что те трое не спустились со второго этажа: может быть, они приняли попытки боевиков спастись за расстрел заложников.

У нашей троицы ленты на ртах. На полу мигает красная лампочка камеры.

Камикадзе поднимает руку с детонатором перед собой и что-то говорит на неизвестном языке. В здании становится очень тихо — или это у меня от пальбы в ушах заложило?

Если бы мой рот не был заклеен, я бы спросил Альберта, наплевав на уникальную ситуацию за секунды перед последней вспышкой: ты герой? ты храбрец?

Наверно, тогда он ответил бы: нет, нет. Он всегда так отвечает.

Глядя на то, как стоит Светлая голова Рацио и как лежат подле него боевики, я будто слышу эти слова. Ответ на все поступки, которые Альберт совершает в своей странной жизни: «Вот так правильно?»

Но я молчу. Зато говорит Баха.

Пальцы-танцоры, пальцы-перья, пальцы-струны, они пляшут, пишут, играют слова перед камикадзе. Вся Республика Жестов пробует уместиться между двумя людьми, пока еще не вдавилась кнопка детонатора. Я не могу понять, что Баха говорит боевику. Сейчас казах разговаривает только с камикадзе.

Наблюдая за ними, Альберт медленно осознает, какой язык созвучен языку наших шагов.

«Чудо, — делился мыслями Баха, — не имеет никакого отношения к левитации, превращениям, порче и чтению мыслей. Чудо — это когда ребенок пускает мыльные пузыри в метро, и люди, в чьих умах суетное, смотрят на радужные прозрачные шары, забывая обо всем».

Альберт уходит по коридору за своим плитусом.

«Чудо — это взгляды зрителей, которые удерживают блестящие под куполом цирка булавы; это секунды ошеломления после ухода фокусника за кулисы».

Именно такие мысли приходят мне в голову, когда я вижу камикадзе, часто щелкающего кнопкой детонатора.

Последней вспышки — нет.

Баха огибает стол, подходит к боевику и вытаскивает из его руки пульт.

«Попробуй без него», — говорят пальцы человека степей.

Камикадзе щелкает пустоту. С каждым щелчком его глаза все больше светлеют и успокаиваются.

Кажется, Баха научил петь еще одного человека.

Чудо (я снова возвращаюсь к давним мыслям) — это когда в твоей голове рождается Вселенная. Независимо от того, что происходит снаружи: захват террористами эстонского посольства или журчание фонтанов в шумных аллеях.

ФАНТАСТИКА

А еще чудо — это когда вниз по лестнице бегут остальные боевики, когда наша троица стоит в вестибюле, ожидая расправы, и за миг до смерти двери ломает подошвы спецназа.

Баха, Альберт и я падаем ниц. Вокруг становится невыносимо громко, громко даже для человека степей.

Потом мы все выбежим наружу, люди будут рыдать, лежать на земле под вечерним небом, а заботливые спасатели укутают нас шерстяными одеялами и кого-то увезут в каретах «скорой помощи».

Корреспонденты безошибочно определяют тех из заложников, кто еще способен говорить.

— Что было?! Скажите, что произошло?

Кто-то орудует передо мной микрофоном; глаза слепят вспышки.

— Мои друзья, — говорю я, — обезвредили троих террористов. Были убиты два заложника, казнь снималась на камеру.

— Какие друзья? — любопытствует журналист, прикидывая, как будет расписывать в газете героизм гражданских лиц. — Где они? Кто они?

— Альберт и Бахыт... — произношу я имена и пытаюсь высмотреть друзей в толпе, заполонившей площадь.

Я очень долго ищу их — парня из Республики Жестов и Светлую голову Рацио. Оглядываюсь вокруг, а меня все снимают, что-то спрашивают дотошно.

С плеч сползает шерстяное одеяло, и я вижу в своей левой руке кусок плитуса. Мою правую руку сводит судорогой; она дрожит где-то между звуком и словом.

В голове — миллион мыслей. О нашей троице, о сегодняшней прогулке, о выстрелах, о руке без пульта детонации, о шизофренических симптомах.

Мурашки по коже. Я прикасаюсь рукой ко рту и не могу понять — закрыт он или нет.

— Где ваши друзья? — талдычит свое журналист. — Как они выглядят?

Вопросы, вопросы, вопросы.

Я беру черную ленту, прилиплю к воротнику желтой рубашки, и заклеиваю себе рот.

Пусть моя вселенная останется в моей черепной коробке.

